

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1924 г. — ЛЕНИНГРАД

М. ШАГИНЯН

АРМЯНСКИЕ СКАЗКИ

1

В начале прошлого столетия Кавказ посетил просвещенный путешественник, барон Гакстгаузен. Ему принадлежит едва ли не первая критическая запись армянских сказок. Не зная языка, он пользовался услугами родоначальника армянской новой литературы, Хачатура Абовяна, и одного соотечественника, колониста Петра Нея, который за легкое усвоение восточных языков и знание множества сказок был прозван им Шехеразадой. В итоге были записаны 24 сказки. Среди них есть и татарские, и чисто армянские. Разумеется, мы должны помнить, что вполне полагаться на Гакстгаузена нельзя. При всей его осмотрительности, он все же брал материал из вторых рук. Однако несколько приведенных у него сказок в точности совпадают с эриванскими сказками, собранными позднее, только изложены они у Гакстгаузена изящней и литературней.

Внимание Гакстгаузена к армянской словесности сыграло большую роль и в личной жизни Абовяна, и в армянской общественной жизни. Появились собиратели сказок из среды образованных армян. Пионером этого дела был выдающийся человек, епископ Гарегин Сурвандзтян, умерший в 1892 году. Ему принадлежат с любовью составленные сборники сказок «Хамов-хотов» (что значит: со вкусом и с запахом), «Мананà» (манна небесная) и «Грод-Броц» (не переводимая игра слов). Они по сию пору служат любимым чтением в армянских семьях. Дело собирания перешло на более научную почву, когда в 1906 году этнологом Ервандом Лалаянцем было основано в Тифлисе «Армянское этнографическое общество» и «Этнографический журнал», существующий с 1896 года и посвященный главным образом армянской словесности. В нем было помещено множество армянских сказок. Также и в Москве, в издающихся при Лазаревском Институте Эминских этнографических сборниках был помещен материал, собранный Айкуни в разных местах преимущественно турецкой Армении, и 6 сказок кавказских армян, записанных Александром Мхитарянцем, а всего 96 сказок. Они размещены в I, II и IV выпусках. Затем еще очень недавно, года два назад, Лалаянц издал три тома сказок (тоже около ста) под общим названием «Маргарит» (в переводе жемчужина), записанных в Аштараке, Вахаршапате, Ошакане и других эриванских деревнях, а также со слов выходцев из персидской и турецкой Армении. IV и V выпуски этого издания еще только готовятся к печати. Во время войны была снаряжена научная экспедиция в завоеванные области Армении, давшая уже через пять месяцев богатые результаты: за-

писано 872 сказки, которые составят в общей сложности 50—60 томов. Материал получается необозримый. Конечно, не все в этом богатстве национально-армянское; но важен неоспоримый факт: творчество сказок присуще армянскому народу в высокой степени.

Обратимся к кавказскому армянству и посмотрим, как оно слагает свои сказки.

2

Кончилась страдная летняя пора; зимою, по свету, армянский крестьянин работает на дому, иногда превращаясь в ремесленника — ткача, портного, сапожника, столяра.

Но падают сумерки, работа закончена, и вся семья собирается в «от'ах». В каждом более или менее зажиточном крестьянском доме есть этот от'ах — возвышенное помещение, открытой стороной примыкающее к сараю для животных. Зимой оно согревается теплым паром от дыханий волов. Сюда в от'ах приглашают местного или захожего певца — ашуга, либо сказочника. Бедные крестьяне, не имеющие средств принять такого почетного гостя, идут послушать сказки в от'ах богатого соседа. Талантливые сказочники прославляются не только на всю деревню, но и далеко за ее пределами. Самым знаменитым дают хвалебные эпитеты.

Почти все без исключения сказочники не знают ни грамоты, ни другого языка, кроме родного. По профессии это садовники, огородники, мельники, хлебопашцы. Есть и сказочницы: например, знаменитая Антаррам из деревни Парпи. Как приличествует званию, сказители чаще всего люди старые, но встречается между ними и молодежь. Слушают их крестьяне, отдыхая от дневной работы и однообразного убожества своей жизни. Но куда, в какую страну переносит их магическая речь сказочника? Принято представлять себе мир сказок, как нечто вполне произвольное. Это ошибка. Созданное воображением, обманчивое царство сказок так же ограничено пределами, так же подчинено «географии», как и земное царство людей. Пределами такой сказочной географии служат пределы воображения данного народа. Вспомним лесистые равнины средней полосы России; мир русской сказки вырос из них: дремучие темные леса, где не слышно даже птичьего пения, а только разбойничий посвист; степи с репутьями трех дорог, узорные деревянные терема; и зверье в них родное — бурый мишка, тощий волк, изголодавшийся, как собака; лисва-воровка. Вспомним датскую мокроту и близость скандинавского севера: не из них ли возникли блуждающие огни на болотах, ветры, кочки и холмики, освещенные гнилушками, с милыми глуповатыми кобольдами, вьюги и ледяные покои снежной царицы в пленительных сказках Андерсена?

Вернемся к армянам. Что могло быть у них пищей для воображения рассказчика? Пустынные, сожженные солнцем нагорья, наполненные утомительным стрекотанием кузнечиков, с одиноко стоящими на горизонте кристаллами Арарата и Алагеза, редкие сады, тощая растительность — красный лошадиный щавель, да высохшие свечки молочая, да пахучие, пряные травы на сухой и жаркой земле, камни, горы, скалы — гнездилища змей и ящериц. И вот над этой пустынной землею рисует фантазия рассказчика воздушную географию сказки. Тот же самый плоский и скучный мир возникает в ней таинственно-преображенным. Прежде всего он наполняется бесчисленными городами, с неизменным царем в каждом из них. Разделительным бассейном между разными царствами служит море.

Но тихо и недвижно это море; нет на нем ни веселых «корабликов» (как в русских сказках), ни плотов, ни лодок. Редко-редко упоминается баржа, и звучит это модернизмом, нарушающим стиль сказки. Переправа через

море совершается не совсем обычным порядком, о чем речь пойдет ниже. Затем высятся в сказках неизменные горы, иногда «высокие, как Масис» (армянское название Арарата), жилища то добрых духов каджей, то злых красавиц, то дэвов. Они прорезаны пещерами, обителью змей. На этих неприступных горах водятся драгоценные камни, сверкающие там, как солнце. Горы одухотворены. Часто они обладают даром периодических движений. Есть в сказках волшебное ущелье, расходящееся лишь на сутки; через каждые 24 часа горы сдвигаются, точно в могучей спазме, и раздавливают своими грудями застрявшего путника. Есть также горы с пещерами сокровищ в своих недрах; в известное время года гора открывается на короткий срок, а потом пещера снова уходит в глубь. Реже попадают реки. Зато в каждой сказке есть родничок или колодец. Вода, как и солнце в сказках, является мифической сущностью. С каждым родничком непременно связано что-нибудь таинственное, у каждого обитает добрый или злой дух, и потому обычно не советуют путнику делать привал у родника. То темной ночью, при крике невидимых куропаток, там спящие превращаются в камень, то безобразный дракон-вишاپ охватывает их своим кольцеобразным туловищем. Колодцы, напротив, лишены всякой мистики. Зато они являются часто средством для человеческих злых умыслов: муж, например, спускает туда сварливую жену, завистливые старшие братья более счастливого младшего, и т. д. Обычай рыть колодцы повсеместно распространен на безводном Востоке и чтится одинаково мусульманами и христианами; часто в сказках такую обязанность по доброй воле берут на себя царь или горожане. Долины часты в сказках. Но бывает, что какое-нибудь чудовище строго хранит их число от догадок смертного. Есть сказка о 366 долинах, сосчитать которые не позволяло чудовище; лишь с трудом удалось людям его перехитрить. Зеленъ в сказках — редкая гостья; она имеет какой-то не настоящий, а показной, декоративный вид. Из деревьев — грустное дерево Армении, ива; затем чинары, тополь, яблони, излюбленное гранатовое дерево. Есть в сказках чинаровый лес, скорей похожий на рощу. Сады большей частью фруктовые, и в описании их есть наивная симметрия. Вот, например, сад старшей матери дэвов: «в том саду шел ряд гранатовых деревьев, потом ряды цветов, сперва ряд красных, потом белых, потом голубых; еще был в саду родник и два подсвечника по обоем его сторонам, по правую и по левую». В садах обычно устраивают фонтаны и водоемы. Иногда эти сады заколдованы, люди блуждают в них по несколько лет и не могут проникнуть в их тайны. Волшебные дома часто бывают без окон и дверей, с бесчисленным количеством комнат. Кроме городов с царями есть еще особые царства: дэвов, птиц, разбойников; медное, серебряное, золотое, темное; царство царя Чачонца, владельца мудрого соловья, и т. д. Есть упоминание Египта и Китая. Иногда действие происходит в настоящих деревнях и в городах Стамбуле, Багдаде, Алеппо, славящемся своим мошенничеством. Любопытны заповедные места, хранящие печать седой древности. Так, и в армянских сказках есть распутие трех дорог; две из них безопасны, а третья называется «пойдешь — не вернешься». Есть заповедный мост; злая ведьма сама поставила его пределом своих преступлений: она дала зарок дальше него никогда не заходить.

Спрашивается, как же совершаются путешествия по всем этим необъятным царствам через моря и горы? Не совсем-то обычно! Вот способ выйти из темного царства на свет божий: перед героем три барана — черный, красный и белый; он садится на черного, черный перекидывает его на красного, красный на белого, а белый выносит на свет. Иногда эту задачу берет на себя огромная птица — Синам. Но постоянным средством пере-

движения в сказках является верховая лошадь, да не простая, а морская. С нею мы переходим к одной из главных мифических фигур армянских сказок.

3

Морская лошадь существо сверхъестественное. Она живет в море табуном в 40 коней, с маткой-кобылой во главе. Никакая обычная лошадь с нею не сравнится, трехмесячный путь она делает в день, может летать по воздуху, говорить человеческим голосом, дает мудрые советы, — но все это лишь после поимки. До поимки она — страшная разрушительная сила. Бывает так, что целые новые города в одну ночь разрушаются нашествием морских коней. Поймать ее дело трудное; оно предназначено смельчаку. Есть много способов поимки; простейший — забрасывание чудесной узды в море: конь, как рыбка, попадает на эту узду. Более сложный таков: в полдень морские кони выходят на берег напиться пресной воды, горлышко водоема затыкают шерстью, вместо воды наливают в водоем вина, и когда кони пьянеют, герой вскакивает на выбранную им лошадь и взнуздывает ее. Пойманная, она служит своему хозяину верой и правдой. Главной, если так можно выразиться, специальностью морской лошади является перенос хозяина через море. Делается это отнюдь не вылавь, а каким-то особенным сказочным способом. Иногда это производится и символически: лошадь, например, велит своему хозяину взять меч, приставить его рукояткой ко лбу, а острием к морю, и когда он это исполняет, они оба уже оказываются на том берегу.

Чудесными свойствами наделены часто и другие животные. Волу, например, дано предвещать своим хозяевам будущее, верблюды говорят человеческим голосом, корова заменяет осиротевшим детям родную мать.

Вполне мифическим существом является «хазаран-блбул», соловей. Он подвешивается к потолку в клетке, и присутствие его в доме служит, обыкновенно, знаком мощи и силы хозяина. Третьим главным мифическим лицом армянских сказок является змея. Есть много разновидностей змей, и одно изложение змеиного эпоса могло бы заполнить целую книгу. Для начала следует отметить, что в армянских сказках змея вовсе не носительница зла. Это могучая, скрытная, таинственная тварь, но отнюдь не злая. Иной раз она представлена даже доброю, а высшие ее представители, например, змеиный царь Шах-Марар, способны на высокое героическое самопожертвование. Главная черта змеи — ее верность. На верхней ступени змеиной иерархии стоит Хабрмани и разные оборотни, полужмеи-полулюди. Хабрмани — это юноша-змея. Он влюбляется в земную девушку, женится на ней в своем змеином виде, а ночью является к ней юношей и велит скрывать тайну. Девушка не удержалась, похвасталась перед сестрами — и Хабрмани исчез. Тогда она надела железные башмаки, взяла в руки железный посох и пошла отыскивать мужа. Когда башмаки износились, а посох истерся, она нашла Хабрмани. Здесь мы встречаем ту же тему, что послужила для создания Лоренгрена, а в античной древности для истории Амура и Психеи. Змеи-оборотни не всегда принадлежат к числу добрых духов. Оборотни-женщины злы и демоничны. Часто повторяется сказка о том, как красивая городская женщина завлекла к себе нищего, накормила и напоила его, а потом взяла в мужья. Два года бедняк жил с нею в мире и согласии, но вот однажды прибыл из Индии купец; у этого купца было кольцо с ониксом, который обладает свойством показывать все предметы в их настоящем виде. Оникс отразил вместо жены бедняка — змею. Купец понял, что это оборотень, научил бедняка накормить жену соленою пищей, а с вечера вылить всю имеющуюся в доме воду и двери крепко накрепко

запереть. Бедняк так и сделал. Ночью он видит, что жена стала шарить и, не найдя воды, вытянула шею к потолку; шея стала удлиняться, голова ушла в трубу. Спустя некоторое время он увидел, как по вытянутой шее стали пробегать судорги, — это его жена, дотянув головой до колодца, пила воду. Губят таких женщин-оборотней тем, что сжигают их. Эта зола имеет дар обращать все предметы в золото. За оборотнями следуют просто змеи. Над ними властвует змеиный царь Шах-Марар. Змей жестоко мстят за его убийство. Нередки случаи, когда змея жалеет людей и приносит себя им в жертву. Например, пожалев одного бедняка, змея посоветовала ему убить ее, высушить ее голову и зарыть в землю, а когда он исполнил это, из земли выросло гранатовое дерево, с плодами, полными драгоценных камней.

От морского коня, блбула и змей перейдем к другим сверхъестественным существам. Нечистью, представителями зла в сказках являются дэвы. Они страшно сильны, иногда многоголовы, но отнюдь не непобедимы. Часто они бывают даже подчинены людям; например, дэвы обязаны платить царям подать, хотя плательщики они неисправные и за податью приходится отправлять хабреда. Если побрататься с дэвами, они служат человеку и помогают ему; сильные людей они даже немного побаиваются. Гораздо страшнее самих дэвов их матери. С матерями дэвов мы переходим в жуткую область армянских сказок, в старушечью. Без обыкновенной земной старухи не обходится ни одна из сказок. В предместьях каждого города живет много одиноких старух «наны», бабушек, у которых путешественники находят приют и ночлег. Такие старухи радеют герою, часто даже усыновляют его, сватают за него царскую дочь. Не менее благожелательны и пещерные старухи. Они сидят, обыкновенно, со своим веретеном в горных пещерах, одаряют вежливых девушек, помогают словом и делом добрым молодцам. За этой доброжелательной группой следует гнусная городская старуха, занимающаяся обманом, сводничеством и воровством; она еще не колдунья, но уже и не человек по полному своему бесстыдству. Обычно в сказках дела ее остаются безнаказанными, и она, одурачив всех, успевает вовремя сгинуть. За нею идет страшная лесная старуха; эта уже вполне ведьма; она точит ночью свои зубы о кору деревьев, в предвкушении человеческого мяса; жестокость ее была бы беспределной, если бы она сама не положила ей предела, дав зарок не переходить упомянутого выше моста ертымкерац. Если жертве ее случится перебраться за этот мост, старуха ее уже не преследует. И, наконец, венцом этой старушечьей лестницы являются матери дэвов. Их много. Власть их почти безгранична; сыновья им подчинены. Самая страшная мать дэвов проводит жизнь свою почти сплошь в спячке; младшие обычно изображаются с прялкой и веретеном (что наводит на мысль о тождестве их с парками), а возле старшей иногда висят чётки; они раскачиваются, как маятник, и каждый час падают ей в руку, а она сквозь сон снова их вешает. Говорится в сказках, что попавший к ней никогда не возвращался обратно. Разумеется, это преувеличение, т. к. герои сказок и даже героини ухитряются благополучно посещать ее и воровать чётки.

Скажу несколько слов о других действующих лицах сказки. Загадочен некий кёса, что значит безбородый, бритый, плешивый, жидкобородый; часто кёса вместе с тем и голубоглазый. Встреча с кёса предвещает несчастье; на востоке с ним избегают вести дела, и по профессии это — темная личность. Попадает в сказках Джамполат (Джембулат), т. е. человек с телом из стали. Над ним не властно никакое оружие, но и он в конце концов уязвим. Дело в том, что душа Джамполата заперта в сундуке под видом трех птичек; стоит зарезать этих птичек, и он умрет. Следует заметить, что символы души, свободы, силы в армянских сказках

очень часты, притом вполне реальны, т. к. при овладении ими овладеваешь и всем человеком: отрезав косу у злой красавицы, становишься господином и самой девушки. Вот символ свободы спящей царевны: в пустой запертой комнате висит на стене ниточка с бусинкой; когда вы входите в эту комнату, ниточка начинает качаться из стороны в сторону, качаясь удлиняется, достигает окна, бусинка пробивает стекло, выскакивает из комнаты и бросается в море. «Свобода» девушки вырвалась наружу; теперь, кому попадет в руки бусинка, тот и завладеет самой девушкой. Но вернемся к героям сказок. Среди них фигура странная и несомненно очень древняя—это так называемый «мертвый молодец», «мертвый жених». Он лежит в подземельи множество лет; если девушка найдет его, сядет к нему и семь лет продержит его голову у себя на коленях, мертвец воскресает, превращается в прекрасного юношу и женится на ней. В сказках часто бывают случаи подмена: в последнюю минуту верную девушку заменит у мертвеца какая-нибудь самозванка и выдает себя воскресшему за семилетнюю сиделку.

Иногда, хотя очень редко, в сказках упоминаются исторические лица. Между ними Александр Великий (Искандер), Тамерлан, Соломон, грузинская царица Тамара. Заслуживает внимания полу-историческое лицо арабского происхождения, врач Лохман. В армянских сказках он попадает очень часто, как и вообще в словесности и письменности востока, особенно мусульманского. Он представлен врачом не всегда безобидным: он, например, боится соперничества и старается погубить своих талантливых «коллег». Происхождение его мудрости сказки объясняют очень интересно. Раньше он был простым охотником по имени Пурто. Однажды он зашел в пещеру, где увидел змеиного царя Шах-Марара с четырьмя змеями. Пурто не испугался, развел огонь, изжарил пашлык и угостил змеиное общество, а потом, по просьбе царя, провел в пещеру родничок. Шах-Марар наложил ему на спину свою печать, что равносильно усыновлению, и потом оказывал ему важные услуги, вплоть до пожертвования самим собою: он дал ему убить себя, чтобы вынуть из своего черепа целебные и ядовитые мозги, взамен чего попросил только посылать еженедельно пищу своим подданным. После этого охотник Пурто сделался великим врачом Лохманом. В одной из армянских деревень показывают до сих пор могилу Шах-Марара, а по субботам посылают пищу в змеиную пещеру.

Любопытно проследить, какую изображена в сказках женщина. Каковы волшебницы и колдуньи, мы уже видели выше. Посмотрим теперь, каковы обыкновенные женщины.

Первым в мире красавицам суждено, обыкновенно, оставаться в девицах. Герои из-за них проделывают всевозможные подвиги, но сами редко когда на них женятся. Они жестоки, бездушны, коварны и властолюбивы, любят драку, войну, верховую езду. Одна из таких красавиц долго наводила ужас на соседних царей, разбойничая в маске арапа, у которого «верхняя губа была на небе, а нижняя на земле». Среди царских жен и дочерей попадают иногда образцы распутства и своеволия. Царевна увидит красивого юношу в городе, и тотчас же велит прорыть подземный ход из его лавки к себе в комнату. Случается, что избранником ее сердца окажется даже не человек, а мерзкий старый колдун, по причудливой любви к которому она дурачит и губит своих законных женихов. Часто в женщине распутство соединяется с лицемерием. Вот сказка довольно обыкновенная. У царя была жена такая скромница, что не выносила возле себя даже слуг и домашних животных мужского пола. Однажды царю принесли в подарок двух золотых рыбок. Он велел отвести показать их царице, но та потребовала, чтобы сначала определили, какого они пола и самцов не смели бы к ней вносить. Рыбки

услышали эти слова царицы, высунули головки из воды и засмеялись. Царь поразился и пожелал узнать, почему засмеялись рыбки. Созвали всех мудрецов, но ни один не смог дать ответа. Наконец нашелся мудрый мальчик. Он велел царю взять арбуз и ножик и идти в погоню к царице. По дороге он тихонько украл и спрятал ножик, а когда царь хватился его, посоветовал приказать обыскать всех слуганок. Сколько ни плакала царица, слуганок раздели, и между ними оказался мужчина. «Вот почему смеялись рыбки», ответил царю мудрый мальчик. Крестьянские жены отличаются неопишущей сварливостью. Часто крестьянин, не вытерпев такой жены, бросает ее в колодезь, а следом за ней еще волка, лисицу и змею, чтоб верней ее сгубить. Но когда через неделю он приходит посмотреть, что случилось с его женой, звери наперебой умоляют его освободить их от такого соседства, а жена сидит в колодезье жива-живехонька. Верные и хорошие женщины в армянских сказках бывают образцами терпения, преданности и мудрости, оправдывая правило: нет ничего хуже плохой женщины, но и нет ничего лучше хорошей женщины.

4

Одною из главных тем армянских сказок является превращение. Волшебное кольцо или жезл превращают людей в камни, оставляя им только один живой глаз, чтоб видеть свое несчастье; упрямая жена превращается в ослицу. Когда за Хабрмани и его невестой, убегающими от родителей, посылается погоня, Хабрмани бросает за плечо гребешок, и позади него вырастает лес, щепотку соли — и воздвигается гора, бутылку воды — и разливается море; но погоня все-таки близко, и тогда Хабрмани превращает свою невесту в розовый куст, а себя в змею, и крепко обвивается вокруг цветка. Часто безобразные вещи ждут только доброго слова или приветя, чтоб сбросить свое безобразие. Царевичу попадают колючки, но он называет их «чудной травкой», — и вдруг, вместо терновника, под ногами его на самом деле оказывается душистая трава; он доходит до отвратительной реки, полной гноя и крови, но вежливость заставляет его отпить этой жидкости и похвалить ее: и тотчас же по жилам его разливается благодатная вода бессмертия. Страшный дракон или змея превращаются в красивых юношей, если девушка полюбит их, не побоявшись их уродства. Борьба — другая тема сказок. Борются с драконами, дэвами, старухами; за обладание волшебной вещью, за любимую девушку, за царство, борются и без всякой цели, только бы показать свою удачу. Победы достигаются, как водится в сказках, самому сильному, самому доброму и умному или, наоборот, самому глупому, но тогда уж бесспорно глупому дурачку. Когда победа одерживается силой, перед нами явные отголоски героического эпоса: то, например, ударом меча отсекается 19 голов, то герой съедает, не поморщась, семерых вареных баранов и полпула пилава, то побеждает семиголового дэва, вырывает деревья с корнем, очищает окрестность от разбойников. К чести армянских богатырей надо сказать, что они почти всегда бескорыстны, великодушны и не проливают крови зря. Обратное поступают богатырши, свирепствующие иной раз без всякой надобности, лишь бы снести лишнюю голову с плеч. К числу любимых сказочных героев принадлежат царевичи Ало-Дино и Чукко, бесстрашные добыватели хазаран-блбула и волшебных красавиц. Интересно, что имена этих геросов носят следы курдского, а не армянского происхождения.

Победа нравственными качествами встречается реже других; сказочники — завзятые «милитаристы». Но вот тихая девушка Аравхат, закаба-

ленная своей мачехой, одной добротой и вежливостью побеждает пещерную старуху. Благородство юноши смягчает сердце дракона, а правдивость и прямота—самого непобедимого царя Чачонца. К числу положительных качеств героя принадлежат неперменное мужество, вежливость, великодушие, верность своему слову. Царевич по просьбе дракона проникает в Чинмачину (Китай) и завладевает китайской принцессой. После свадебного пиршества он вынимает меч и кладет его меж собой и молодой женою. И когда она спрашивает, что же это значит, он отвечает: «Я завладел тобою не для себя». Жест, напоминающий европейский рыцарский роман. Вот еще черта сказочной героической этики: **приехал** витязь сражаться с дэвом, но дэв спит и должен проспать сорок дней. Жена дэва советует витязю убить спящего мужа, но тот сперва пытается его разбудить, а потом терпеливо высиживает все 40 дней и поднимает руку только на пробужденного и вооружившегося врага. Таких примеров можно было бы набрать множество. Доброта — тоже важное качество в сказках и не остается без награды. Часто повторяется рассказ о богаче, который пожалел мертвеца, уплатил его долги, спас его тело от поругания и похоронил с честью, а благодарный покойник воздает за это его детям. Но все же на первом месте стоит в сказках хитрость, ловкость, умение найтись и вывернуться. Большая часть сказок прославляет именно такие деянья. И среди всяческих проделок, описываемых в сказках, попадаются иной раз действительно остроумные. Любопытна бытовая сказка о том, как эриванский купец, вопреки советам отца, решил поехать торговать в Алеппо. В первом же каравансарае его ловко провели три мошенника: безбородый (кёса), хромой и кривой. Но и он не замедлил надуть всех трех. Тогда кривой, чтоб отомстить ему, **разузнал** стороной про домашние дела купца, сказала другом его родителей, привел тому доказательства и заявил, что, когда тот родился, ему недоставало одного глаза и он, по дружбе к его родителям, вложил в него свой собственный глаз; теперь же он требует этот глаз обратно. Судья, разобрав дело, присудил эриванского купца к возвращению глаза. Тогда тот предполагает выход, достойный решения Порции в «Венецианском купце». Он говорит: «Пусть кривой вынет свой глаз и я свой, взвесим их на весах, — если они весят одинаково, я согласен на уплату». Кривой, разумеется, тотчас же убежал из боязни лишиться и последнего глаза. А вот как два умника провели чудовище, стерегшее 366 долин. Оно никому не позволяло считать долины; когда путник отваживался на это, оно подкрадывалось к нему ночью и высасывало у него кровь из пяток. Однажды пришли два умника, сосчитали долины и улеглись спать лицом в разные стороны, да так, что ноги одного припились с головой другого. Чудовище прилетело, стало искать пятки — наткнулось на голову; взялось за другой конец — и там тоже голова. Ему осталось лишь кинуть проклятие и исчезнуть.

Иной раз мы встречаем в сказках так называемые «мудрые ответы» на мудреные вопросы. В одной из сказок турецких армян есть настоящий мудрый ответ, очень образный и глубокий. Стал царь допытываться у своих мудрецов, в какую сторону обращено лицо бога. Думали, думали мудрецы, да так ни до чего и не додумались. Встретился им простой мужичок, узнал в чем дело и говорит: «Лицо бога смотрит оттуда, куда глядит человек».

Немалую роль играет в сказках колдовство. Им занимаются большей частью женщины, дервиши, кёса. Любопытно, что среди армянства колдовство было распространено еще в XII веке. Епископ Нерсес Благодатный пишет в своей грамоте к тамошнему духовенству о том, что «женщины у них занимаются ворожбой, колдовством, приготовлением всяких напитков».

В армянских деревнях до сих пор верят колдунам. Еще совсем недавно, лет 80—100 назад, когда чума захаживала на Кавказ, ходили легенды о «дасманцогах», двух предвестниках чумы. Перед тем, как наступить чуме, два всадника, один в черной одежде с черной палкой в руке, другой в красной одежде с красной палкой въезжали, будто бы, в деревню. Первого встречного они заставляли идти вперед и указывать дома; для всех людей, кроме этого невольного проводника, дасманцогги оставались невидимыми. Войдя в дом, они метили людей и животных красными либо черными знаками. Помеченный черным умирал, помеченный красным выздоравливал. Бабушка писателя Абовяна рассказывала своему внуку, что сама была свидетельницей посещения таких дасманцогов. Разумеется, все эти поверья, еще живущие среди армянских крестьян, пышно цветут и в сказках. Помимо обычных колдовских предметов, каковы шапка-невидимка, скатерть-самобранка, ключ-всеотмычка, есть еще подсвечники, в перестановке которых скрыто тайное значение, чудодейственные цветы и травы, сушеные мозги животных, бессмертная вода, яблоки, дающие молодость, и много другого. Но все же колдовство само по себе, как полная власть над природой, в армянских сказках не встречается. Обычно служит оно средством для второстепенных, низших лиц сказки, и над ним всегда есть более высокая власть; герои пользуются им лишь временно и, добившись своей цели, дарят волшебные предметы кому-нибудь другому. Несравненно более таинственное значение имеют в сказках естественные дары природы и особенно части и соки человеческого тела. Чудодейственна зола сожженного человека, его печень, внутренности, мозги; но ни с чем не сравнима важность молока, и животного, и женского. Быть может, тут сказывается пастушеская душа Армении; но, конечно, полного объяснения «культу молока» этим еще не дано. Самой важной клятвой в сказке является «клятва молоком своей матери». В деле питания молоко стоит на первом месте. Богатыри, будучи детьми, отличаются тем, что сосут свою бедную мать чуть ли не до десяти лет. Красная корова выкормила двух сироток одним только своим молоком. Пососать грудь женщины, даже самой свирепой, — значит расположить ее к себе навеки и заставить относиться по-матерински. Страшные матери дэвов укрощаются только этим способом. Царевич забрел в пещеру и видит там мать дэвов, крутящую веретено; она стоит к нему спиной, перебросив через плечо свою грудь. Он тихонько подошел к этой груди и стал ее сосать. Страшная мать дэвов оборотилась, встретила его по-матерински и помогла во всех подвигах.

Скажу несколько слов о разных обычаях, упоминаемых в сказках. Часто происходит усыновление детей (иногда и зверей), при чем усыновляют маленьких и взрослых, сирот и имеющих родителей. Любовь к потемству — отличительная восточная черта; на детей смотрят как на богатство. Усыновление происходит так: либо с матери снимают рубашку и надевают ее на усыновляемого, либо ворот ее рубашки продевают под ворот его рубашки. Сватовство тоже обычно; без него почти ни одна сказка не обойдется. Перед дворцом каждого царя имеется камень (или сидение), предназначенный для свах. Сюда садятся старухи, и царь сам к ним выходит. Пастухи в конце сказок часто играют роль счастливого вестника; их посылает герой, встретясь с ними в поле, возвестить царю о своем возвращении, и счастливый царь дарит, обыкновенно, пастуху «халат и розовую воду» — самый почетный подарок на востоке. Священное право гостеприимства играет в сказках большую роль. Существует так называемый «час для харибов», т. е. для странников, когда в городе при колокольном звоне собирают всех странников и чужеродных на трапезу, пожертвованную богатыми горожанами. Дервишей всякий считает

за честь принять и накормить у себя. Если гость отказывается от пищи, он наносит тяжелое оскорбление хозяину. Смерть на востоке имеет характер ухода, и всегда за ее пределами мыслится иная форма существования. Обычно в час смерти кто-нибудь приходит по душу человеческую, иногда «хогеар» — ангел смерти, а иногда монах — «вардапет». Умиравший не хочет отдать душу, и с ним приходится спорить; иногда он просит ангела взять взамен душу отца или матери. В таких случаях отец и мать решительно отказываются, и молодая жена от себя предлагает за мужнину душу свою собственную. Последняя подробность часто встречается и в армянских народных песнях.

5

Перейдем к форме армянских сказок. Но прежде всего несколько слов о сравнительной морфологии азиатских и европейских литературных форм. Возьмем для примера восточную лирику. Она довольствуется весьма скромными (по количеству) средствами, концентрируя их обыкновенно в пределах одного образа и стягивая все стихотворение к двум или четверем строкам. Любимые формы восточных стихов — двустипишия, четверостишия. Но и очень длинные стихотворения сразу могут быть опознаны в их «атомном», частичном строении; пусть на протяжении длинной персидской газели вьется одна тема, все же строение этих стихов резко распадается на законченные двустипишия и четверостишия. Эта атомная распадаемость длинных стихотворений на краткие афоризмы — характерная черта Востока с его очень короткими ритмами; там берется только нужное количество слов, а той ритмики лишних слов, иногда вовсе бессмысленной, но таинственно волнующей душу, как в западной поэзии (Фет, Шелли, Верлен и пр.), такой ритмики на Востоке нет. Оттого, при всей музыкальности восточных стихов, общее впечатление от них все же остается пластическим, образным, а не певучим ¹⁾. В противоположность этой «атомности», где каждая часть, каждая единица стиха самоценна, — западные формы можно уподобить организму с его зависимостью всех частей друг от друга. Художественное произведение Запада тем выше, чем полнее и нерасторжимей проведена эта зависимость. У европейцев в стихах и прозе должен быть центральный узел, завязка, которой соподчинены части; на востоке такая органичность заменяется, обыкновенно, бесконечным чередованием самоценных частей друг с другом. Неостанавливающееся движение равноценных единиц — идеал Востока; органичность, самозамкнутое совершенное целое — идеал Запада. Такая общая мера приложима и к сказкам. По отношению к армянским сказкам можно сказать, что почти всегда налицо и атомность формы, распадение на ряд кратких самодовлеющих сказочек, ничем не связанных друг с другом. Такие «сказки в сказке» чаще встречаются у армян персидских, реже у турецких. Встречаем мы ванскую сказку, в точности совпадающую с рамкой Шехеразады, только значительно более короткую. Налицо и жестокий царь, убивающий своих жен, и дочь везира с запасом сказок, и самые эти сказки, чередующиеся до тех пор, пока гнев царя не сменяется на милость. Очень сильно в армянских сказках также и стремление к органической форме, к завязке и единству фабулы. Не всем, конечно, рассказчикам это удастся в одинаковой степени; многие бессвязно переплетают разные сказки, выкраивая из них одну, при-

¹⁾ Тут, между прочим, налицо связь между музыкой данного народа и его поэзией; интересно сопоставить короткие, однообразные (но бесконечно чередующиеся), почти целиком уместающиеся в одном такте, мелодии Востока и органично-длинную мелодику, например Шуберта.

ставляют начало одной к концу другой и т. д. Но наиболее удачные и типические сказки, в роде «Одзманук», «Кўса», «Хазаран-блбул», всегда и по форме своей напоминают европейские.

Сказочники Араратского нагорья предпосылают своим сказкам одно и то же стихотворное начало, довольно бессмысленное и однообразно ритмическое. В русском переводе оно звучит приблизительно так:

Сказочка-бабушка,
Подо мной чалая лошадушка.
Поскачу я в Эривань,
Привезу хлебушка.
Хлебушка дам курочке,
Курочка снесет яички.
Понесу яички плотнику,
Плотник даст за яйца дудочку.
Снесу дудку пастуху,
Пастушок мне даст овцу.
Принесу овечку богу,
Бог мне братца даст родного.
«Братец, братец мой родной,
Жду тебя я под горой.
Ты под крепостью стоишь,
Где коровы, не следишь».
Все коровушки пасутся на лугу
И вдоволь нам молока дают.

Значение этой прелюдии в том, чтобы ритмически раскатать рассказчика и подготовить внимание слушателя. Стихотворные вставки часто попадают и в середине сказок, и в конце. Присказки же почти всегда одинаковы. Если дело кончается свадьбой, то говорится: «семь дней и семь ночей длилась свадьба», потом добавляется: «все достигли своей цели, да достигнете и вы своей. С неба упали три яблока: одно рассказчику, другое тому, кто слушал, а третье тому, кто услышал». Эти заключительные три яблока с небольшим вариантом можно встретить решительно во всех сказках кавказских армян; у турецких они встречаются редко. В художественно-обработанном стихотворном виде такая присказка есть у Агаянца в «Арэгназане». Там герой Арэг остается наедине со своей молодой женой, Нунуфар. Следует присказка:

Молитве Арэга небо вняло,
Сбросило небо вниз три яблока.
Было одно зеленым-зелено,
Словно сейчас сорвано с ветки.
Было другое красным-красно,
Словно летом алая роза.
А третье было подобно снегу.
Арэга тогда Нунуфар спросила:
«Зачем, скажи, таковы три яблока?»
«Не знаю, милая! — Арэг ответил: —
Должно быть, они подобны жизни.
Взгляни, зеленое словно младенец,
А это белое, словно старец.
Третье ж, красное, краше первых,
Цветом похоже на нашу зрелость».
«Дай же поделим красное яблоко!» —
Арэгу тогда Нунуфар сказала.
Она пожелала, — а он исполнил.
Красное яблоко съели вместе
И утолили сердечную жажду.

Исполать вам, красные юноши и девушки!
Небо да исполнит и ваше желанье.
А на меня прошу не гневаться,
Коли наскучило мое сказанье.

Таков в самых общих чертах многообразный материал армянских сказок. Перечисленным он не исчерпывается, а только намечается. Но даже и в этом частичном материале можно проследить повторные очертания характерных мифов, принявших национально-армянскую окраску и ту таинственную смысловую глубину, которая делает миф загадкой исторических судеб народа. Я попытаюсь, однако, очертить здесь два наиболее характерных армянских мифа.

Солнечный миф. Солнце — источник постоянного мифотворчества у всех народов; стало быть армяне, мифологизируя его, отдают дань общему культу. Но их поклонение солнцу очень интенсивно и идет от седой древности. Доныне крестьяне араратских деревень клянутся солнцем, чтут его, часто употребляют эпитет «солнечный», прибавляют его к именам. Уцелели выражения: «призываю в свидетели твое солнце», «знает про то твое солнце»; подразумевается, что у каждого человека есть свое солнце, подобно нашему представлению об «ангеле каждого человека». Это солнце должно быть символом не то души, не то идеи человека, не то высшей, но лично с ним связанной сущности. Для армян солнце — символ мужественности, понимаемой не только как сила, но именно как мужская сила. В сказке часто попадаются таинственные существа, матери которых известны, а отцы или прадеды под сомнением; догадка сказочников восходит до самого бога-солнца, которому миф приписывает оплодотворяющую силу. Так произошли многочисленные герои сказок: Арэвманук (дитя солнца), Арэвхат (отпрыск солнца), Арэгназан и т. д. Отсюда и идеал красоты армянской расы — златокудрость. В массе своей армяне черноволосы и смуглы; блондины попадаются редко, большей частью в детском возрасте и с годами темнеют. Казалось бы, идеалом расы должна быть черноволосость, т. е. типическая красота, узаконенная многими веками подбора. Но нет, культ златокудрости у армян не менее силен, нежели, например, на западе, у германских народов. Высшая красота, доступная воображению армянских сказочников, это солнечные волосы и даже солнечное лицо. В солнечном мифе армян явственно проступает культ мужественной силы, понятие которой с веками все более наполняется положительным содержанием, так что мужественное постепенно начинает становиться синонимом доброго, вечного и истинного. Это разъясняет нам отчасти женоненавистничество армянских сказок и приближает к разумению другого важного мифа — о девушке, заслужившей себе мужской пол. Сказка часто рассказывает про вдову, рядившую свою дочь в мужское платье, чтоб она могла играть с мальчиками. Своею ловкостью девушка услужила царю, и тот, считая ее юношей, выдал за нее замуж свою единственную дочь. Когда обнаружилось, что новый зять женского пола, царь и царица решили его погубить. Они дают ему труднейшие поручения (последнее из них — отнять у старшей матери дэвов чётки). Девушка-зять храбро выполняет все задачи и когда, наконец, ворует чётки, то проклятием матери дэвов преобразается в юношу. Есть несколько вариантов этой сказки. Лучший из них — художественная обработка Агаянца. Но во всех вариантах события располагаются одинаково: личное мужество заставляет променять женское платье на мужское; любовь не играет для девушки-мальчика никакой роли, — все инстинкты ее сосредоточены на борьбе, оружии, охоте; целым рядом опасных героических подвигов готовится преобразование ее пола; и, наконец, совершается самое это преобразование, но не естественным, а уже сверхъестественным путем, волею другого лица.

Разумеется, не все в перечисленном нами материале самостоятельно. Наоборот, армяне, лежащие географически на «проезжем пути» между Востоком и Западом, — и в сказках роковым образом отражают эту промежуточность, сложившуюся под целым рядом перекрестных влияний. По существу своему эти сказки уже не Восток и еще не Запад; с Востоком роднят их фабулярный мир и особая пластика, незнакомая Западу; но от того же Востока их отталкивает некоторая бедность и скудость фантастики, сухость и аскетизм в изображении чувственного мира и постоянный привкус нравственного дидактизма, что особенно бросается в глаза, если мы сравним их с чувственной роскошью Шехеразады.

Отметим в общих чертах основные влияния в армянских сказках: Индии обязаны они немалым числом своих фабул, иногда употреблением типичных для Индии образов («красная корова», «красный бык»); сохранилось по сию пору отношение ко всему индийскому, как к волшебному, искушенному в мудрости; сказки часто выводят факиров — разгладчиков тайн и учителей магии. Египет часто упоминается в сказках — так же, как и Китай (Чинмачина); не без египетского влияния и культа мертвых сложилась странная армянская сказка о мертвом женихе; знаменитой египетской сказке о двух братьях обязаны армяне и своим, очень распространенным рассказом о жене купца, влюбившейся в усыновленного юношу. Отзвук Китая в целом ряде условных вежливостей, в образе летающих рыб, чудовищ, деревянного коня, в симметрии садов. Черты мусульманского востока бесчисленны. Армяне, эти заслуженные мученики христианства, допускают в сказках полную веротерпимость, больше того — доброжелательность к чужой вере; у них дервиши — почетные гости, у них многоженство — обычная вещь. Царю нравятся три сестры; он не беспокоит себя выбором и спокойно женится на всех трех. Много персидских и турецких слов встречается в словаре армян. Курдские и грузинские влияния выступают еще отчетливее. Для сравнительной филологии армянские сказки вообще могут служить богатейшим материалом.

Мариэтта Шагинян

1917.